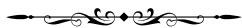

МИРОВОЕ ДОСТОЯНИЕ

АРТУР КОНАН
ДОЙЛ

(1859–1930)

Артур Конан ДОЙЛ

Шерлок Холмс

Повести
Рассказы

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Arthur Conan Doyle

Перевод с английского

Сопроводительная статья подготовлена
SMART-библиотекой имени Анны Ахматовой

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Дойл, Артур Конан.

Д62 Шерлок Холмс : повести, рассказы : [перевод с английского] / Артур Конан Дойл]. — Москва : Эксмо, 2023. — 768 с.

ISBN 978-5-04-186899-4

Перу английского писателя, публициста и журналиста Артура Конан Дойла принадлежат исторические, приключенческие, фантастические романы и труды по спиритизму, но в мировую литературу он вошел как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов — Шерлока Холмса.

Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования. Неутомимый Шерлок Холмс и его легко увлекающийся друг доктор Ватсон дороги сердцу читателей всего мира.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Войтинская Н., перевод на русский язык, 2023
- © Волжина Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2023
- © Гурова И., перевод на русский язык.
Наследники, 2023
- © Доронина И., перевод на русский язык, 2023
- © Матвеева А., перевод на русский язык, 2023
- © Лившиц Д., перевод на русский язык.
Наследники, 2023
- © Литвинова М., перевод на русский язык,
2023
- © Савельев К., перевод на русский язык, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186899-4

ПОВЕСТИ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПОМИНАНИЙ
ДЖОНА ЭЙЧ УОТСОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ,
ОТСТАВНОГО ВОЕННОГО ВРАЧА

ГЛАВА 1

М-р Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹, чтобы пройти курс военной хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятой нортумберлендской стрелковой бригаде. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я успел прибыть на место службы, разразилась Вторая афганская война². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев несколько стратегических укреплений, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными несчастьями и бедствиями. Переведенный из своей бригады в Беркширскую, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там я был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила кость

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878—1880 гг.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 г. закончилась поражением британцев.

⁴ Д ж е з а й л — традиционное длинноствольное дульнозарядное ружье некоторых народов Центральной Азии, особенно было распространено в Афганистане.

и задела подключичную артерию. Я бы непременно попал в руки кровожадных гази¹, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея, который взвалил меня поперек вьючной лошади и умудрился благополучно доставить до британских позиций.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых страдалцев отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что мог уже ходить по палатам и даже понемногу загорать на веранде, когда меня внезапно сразил брюшной тиф — это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался настолько слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня обратно в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронтес» и месяц спустя высадили на пирс в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем, но с разрешением отечески заботливого правительства использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер — по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах я, естественно, тяготел к Лондону, этому отстойнику, в который непреодолимо втягиваются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя лишенное покоя бессмысленное существование и тратя те деньги, которые у меня имелись, с беспечностью куда большей, чем дозвоительно, в результате чего мое финансовое положение оказалось настолько угрожающим, что вскоре стало ясно: я должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо полно-

¹ Почетный титул мусульман, воевавших против неверных.

стью изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее претенциозном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому заключению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда бывшего моим ассистентом в госпитале «Бартс»¹. Одиному человеку всегда приятно увидеть знакомое дружелюбное лицо в большой пустыне Лондона. В старые времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он в свою очередь, казалось, был искренне рад встрече. В порыве восторга я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчицкой пролетке.

— Что, черт возьми, вы с собой делали все это время, Уотсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. — Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я коротко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

— Бедолага! — сочувственно сказал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. — И что вы собираетесь делать теперь?

— Искать жилье, — ответил я. — Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену.

— Как странно, — заметил мой спутник, — за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

— А кто был первым? — поинтересовался я.

— Один приятель, который работает в химической лаборатории госпиталя. Сегодня утром он жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять на двоих славную квартиру, — ему одному она не по карману.

— Вот те на! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен кто-то, чтобы разделить жилье и плату за него, то я для

¹ Старейшая лондонская больница.

него именно такой человек. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем жить одному.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала странноватым взглядом.

— Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, — сказал он. — Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

— Почему? Что с ним не так?

— О, я вовсе не говорю, что с ним что-то не так. Просто он человек с немного странными идеями — энтузиаст определенного рода научных изысканий. Но насколько мне известно, человек он вполне порядочный.

— Он, наверное, изучает медицину? — предположил я.

— Нет. Я понятия не имею, что именно он изучает. Кажется, он хорошо разбирается в анатомии, и еще он первоклассный химик, но насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия вообще отрывочны и эксцентричны, но в ходе их он накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

— И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? — удивился я.

— Нет. Он не из тех, кого легко разговорить, хотя может быть весьма болтлив, когда им овладевает некая фантазия.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж делить с кем-нибудь жилье, то я бы предпочел человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и волнений я еще недостаточно окреп. Этого я столько нахлебался в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

— Он наверняка торчит у себя в лаборатории, — ответил мой спутник. — Он либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему прямо после обеда.

— Разумеется, — обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд по дороге рассказал мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я вознамерился делить квартиру.

— Только, если вы с ним не поладите, меня не вините, — сказал он. — Я знаю о нем лишь то небольшое, что смог понять во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

— Если мы не поладим, можно ведь просто расстаться, — ответил я и добавил: — Но мне кажется, Стэмфорд, что вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

— Не так-то просто выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс чуточку излишне одержим наукой, а это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу себе представить, как он дает другу щепотку новейшего растительного алкалоида — не по злобе, как вы понимаете, а просто из любви к научному эксперименту: чтобы точно зафиксировать проявления его воздействия. Но надо отдать ему должное, полагаю, что скорее и с той же готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у него страсть к точному и проверенному знанию.

— В этом нет ничего дурного.

— Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избиения тростью трупов в прозекторской, это выглядит весьма эксцентрично.

— Избиения трупов?!

— Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образовываться синяки. Я собственными глазами видел, как он это продельывает.

— И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

— Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас вы будете иметь возможность составить о нем собственное представление. — На этих его словах мы свернули в узкий проулок и во-

шли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к его концу низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком, заставленная где выстроившимися в ряд, где беспорядочно громоздившимися склянками. Широкие низкие столы были расставлены безо всякой системы, и на них теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком:

— Я его нашел! Нашел! — сообщил он моему сопровождающему, одновременно бросаясь к нам с пробиркой в руке. — Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин и больше ничего.

Найди он золотую жилу, большего восторга на его лице все равно быть не могло.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Рад познакомиться, — сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не ожидал. — Вижу, вы прибыли из Афганистана.

— Господи, как вы это узнали? — Я был потрясен.

— Неважно, — ответил он, усмехнувшись чему-то своему. — Сейчас главный вопрос в гемоглобине. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

— С точки зрения химии это, безусловно, интересно, — ответил я. — Но что касается практической пользы...

— Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываете-

тесь, что оно дает возможность проводить непогрешимо точный анализ следов крови? Идите же сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к столу, за которым работал до нашего прихода. — Давайте-ка добудем немного свежей крови, — сказал он, вонзая себе в палец длинную иглу и всасывая показавшуюся каплю крови химической пипеткой. — Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Вы видите, что раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, он всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

— Ха-ха! — победно воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. — Ну, что вы об этом думаете?

— Похоже, это очень тонкий анализ, — заметил я.

— Превосходно! Превосходно! Старый гваяколовый¹ анализ был чересчур сложным и неточным, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее незаменимо, если кровавые пятна имеют давность не более нескольких часов. А мой новый анализ, похоже, вообще не зависит от того, свежие они или застарелые. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

— В самом деле! — пробормотал я.

— Очень часто расследование упирается в эту одну-единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрели его белье и одежду и нашли на них

¹ От названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваяколового дерева.